

Ундина — эпизод 23 из 29

На волю ж

Злого коня пустить он не смел: он боялся, что этот
Дикий зверь, набежав на лежащую, тяжким копытом
Грянет в нее: короче, на что решиться, что делать,
Рыцарь не знал. И вдруг он обрадован был недалеким
Стуком колес: каменистой дорогой, он слышал, тащилась
Фура. Гульбранд закричал, чтоб им помогли; грубоватый
Голос мужской откликнулся; скоро в потемках мелькнули
Две огромные белые лошади, с ними погонщик,
Роста огромного, в белом плаще; и фура покрыта
Белой холстиной была, как все повозки с товаром.
Стойте, клячи! крикнул погонщик, и лошади стали.
Он подошел к Гульбранду, который с конем одичалым
Все еще бился. Я вижу, в чем дело, сказал он, с моими
Белыми то же случилось, когда я в первый раз с возом
Этой долиной тащился; здесь гнездится какой-то
Бес водяной: он великий проказник, проезжим покоя
Нет от него; но мне удалось сведать словечко;
Дай-ка шепну я его упрямой этой лошадке
На ухо. Делай, что хочешь, но только скорее, воскликнул
Рыцарь, кипя нетерпением. Погонщик, как слабую ветку,
Вытянул шею коню, на дыбы вскочившему; что-то
В ухо ему шепнул, и как вкопанный стал он, лишь только
Жарко пыхтел, и пар от него подымался. Не время
Было Гульбранду расспрашивать, как совершилось чудо;
Он убедил погонщика взять в повозку Бертальду,
Сам же хотел провожать ее на коне; но усталый
Конь едва шевелил ногами. Садитесь-ка, рыцарь,
В фуру и вы, погонщик оказал, дорога отсюда
Под гору будет; коня же привяжем сзади повозки.
Рыцарь сел с Бертальдою в фуру, коня привязали
Сзади, бичом захлопал погонщик, дернули дружно
Лошади, фура поехала. Было темно; утихая,
Глухо вдали гремела гроза; в усладительно-мирном
Чувстве своей безопасности, в сладком покое, в волшебном
Мраке ночи, свободе речей благосклонном, меж ними

Скоро сердечный, живой разговор начался: в выраженьях
Ласковых рыцарь Бертальде пенял за побег. Торопливо,
Трепетным голосом, вся в волненье, Бертальда проступок
Свой извиняла, и речи ее таинственно-ясны
Были, как свет лампы, когда он во мраке от милой
Милому знак подает, что его ожидают. Рыцарь
Был в упоенье. Но вдруг пробудил их погонщиков голос.
Клячи, тяните живее! кричал он, дружно! беда нам!
Рыцарь поспешно из фуры выглянул что ж он увидел?
Лошади, по брюхо в мутной воде, не шагали, а плыли;
Не было видно колес: они, как на мельнице, с шумом,
С пеной и с брызгами резали волны; погонщик на козлы
Влез и правил стоймя, и был уж в воде по колено.
Что за дорога такая? спросил у погонщика рыцарь.
Прямо идет в середину потока. Напротив! погонщик
С смехом сказал, поток идет в середину дороги;
Видите сами; это сущий потоп; мы пропали.
Подлинно, вся глубина долины кипела волнами;
Выше и выше они подымались. Это злодей наш
Струй! утопить нас он хочет, рыцарь воскликнул, товарищ,
Нет ли и против него у тебя какого словечка?
Есть словечко, погонщик сказал, да надобно прежде
Сведать вам, кто я и как прозываюсь! Не время загадки
Нам загадывать, рыцарь сказал, вода прибывает;
Имя твое здесь не нужно. А так-то не нужно, погонщик
С диким хохотом гаркнул, что, просим не гневаться, сам я
Струй! И ужасную харю свою он уставил в повозку...
Но повозка уж боле была не повозка, уж были
Лошади боле не лошади; все разлетелось, расшиблось
В пену, в шипучую воду, и сам погонщик поднялся
Страшной волной на дыбы, и коня, который напрасно
Рвался и бился, умчал за собой в глубину, и ужасно
Начал снова расти и расти, и горой водяною
Вырос, и был уж готов на Бертальду и рыцаря, силой
Волн увлеченных, упасть, чтоб громадой своей задавить их...
Вдруг сквозь шум гармонически-сладостный голос раздался;
Вышел из облака месяц, и в свете его над долиной явился
Образ Ундины; она погрозила волнам и, разбившись
Пылью, гора водяная, ворча и журча, убежала;

В блеске месяца мирно поток заструился; и белым
Голубем сваяла тихо Ундина в долину; и, руку
Рыцарю вместе с Бертальдой подав, на муравчатый берег
Их за собой увела; там они отдохнули; Ундинин
Конь был отдан Бертальде; за нею пешком потихоньку
Рыцарь с женою пошли; и так возвратились все в замок.